

Зинаида Алексеевна Чеканцева

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОСТОЛЮДИНОВ

на ИСХОДЕ СТАРОГО ПОРЯДКА

Человек в истории: homo politicus.

Тамбов: изд-во ТГУ. 2000. С.89-103.

Статья предоставлена для сайта автором.

Веб-публикация: редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения Eleonore](#) 2005

Во Франции Старого порядка простые люди, особенно крестьяне, были отстранены от политической жизни. Их участие в политическом процессе, не предусмотренное установленной системой социального взаимодействия, могло проявляться только в запрещенных формах. Одной из них был открытый протест. Разумеется, в глазах властей предержащих бунт был проявлением “бессмысленной ярости” “разнузданной черни”, а народ был опасен именно в роли бунтовщика, строптивного и иррационального¹. Однако, что думали о своем поведении сами бунтовщики? Возможно ли, изучая “народные манифестации”, выделить некие, пусть самые общие характеристики политического сознания народных низов? Существует ли оно вообще? Существовало ли во Франции старого порядка? Эти вопросы давно занимают исследователей и ответы на них, как правило, крайне идеологизированы². Не вдаваясь в историографию вопроса, отметим, что сегодня в основном преодолены упрощенные представления на этот счет, идущие от консервативной историографии (Э.Бёрк, И.Тэн, Г.Ле Бон), однако и теперь в литературе можно встретить суждения, что народные низы при старом порядке были “вне политики” и лишь революция сделала их субъектом исторического действия³.

Исследование бунтарского поведения во Франции в последнее столетие Старого порядка⁴ убеждает в том, что бунт протестующей толпы в это время был не только социальным, культурным и психологическим феноменом, но и одним из способов волеизъявления низов. При этом происходило небывалое в повседневности приближение друг к другу представителей власти и тех, кто находился в подчинении. Открытый протест, имплицитно означающий нарушение установленного порядка, требовал не только мобилизации государственных структур разного уровня, но имел первостепенное значение в процессе формирования и трансформации образа власти имущих в народном сознании. Протестующая толпа была носителем сложной системы идей и образов, в том числе политических.

История открытого протеста в обществе старого порядка — это история бесчисленных соприкосновений “большой политики” и народной квазиполитики. Впрочем, последний термин не очень удачен. Корректнее, по-видимому, говорить о своеобразной “народной политике”, об интегративной функции бунтарского поведения, в результате которого утверждалось элементарное гражданство структурных низов тогда, когда они полностью отстранялись господствующей элитой от участия в решении возникающих властных проблем, когда процесс демократизации политической жизни и выработки цивилизованных механизмов включения в нее различных социальных сил в виде соответствующих партийно-политических институтов был еще далеко впереди.

Обычными условиями соприкосновения двух “политических” уровней были неблагоприятная конъюнктура, то или иное ослабление власти, нововведение. Чаще всего такое соприкосновение не сопровождалось вербальной формулировкой программы протестующей толпы, но так или иначе, такая “программа” “заявлялась” самим поведением. Изучение отдельных типов бунтовщического поведения показывает, что все они так или иначе были связаны с большой политикой. Не вызывает сомнений связь продовольственных движений с либерализацией сферы хлебной торговли; антифискальные выступления, как правило, порождали либо изменения в фискальной политике, либо злоупотребления; конфликты, возникающие на аграрной почве, также отчасти зависели от политических и административных решений⁵.

Сам ритм народной квазиполитики во многом был связан с динамикой внутривластного процесса. Политический кризис 1750—1751 гг., кризис, связанный с реформами Тюрго и Мопу, общенациональный кризис 1788—1789 гг. неизменно сопровождалась народными манифестациями, в ходе которых низы активно демонстрировали свои политические симпатии.

Резкое усиление народного протеста в первой половине 1789 г. также было связано с углублением политического кризиса. В условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры явное ослабление основных компонентов государственного аппарата: парламентов, провинциальной администрации, армии — создало в привычной структуре безопасности гигантскую социально-психологическую дыру. Она абсорбировала все страхи и беды населения, которые вывели его на улицы. Монархическая администрация, объявив о созыве Генеральных штатов, сама выступила в роли официального мобилизатора народа. Около 60 тыс. наказов было составлено в ходе избирательной кампании. В них отчасти сумели выразить свои жалобы и пожелания народные низы: крестьяне и горожане. Собрания ремесленных корпораций в городах и жителей коммун в деревнях давали возможность массе людей участвовать в обсуждении самых насущных вопросов жизни. В ходе собраний происходил обмен мнениями, слухами и как следствие — вырабатывался некий общий взгляд на вещи. Кроме того, у придавленных заботой о “хлебе насущном” людей не могло не возникать чувство общности и понимание того, что, собираясь вместе, они становятся силой.

Множество фактов свидетельствует о том, что избирательная кампания в стране проходила далеко не спокойно. Там и тут конфликты перерастали в бунты и волнения. Выборы депутатов в Маконе (Бургундия) сопровождалась волнениями, откуда они распространились в другие местности диоцеза⁶. Бальи г.Хондсшут (Фландрия) в специальном постановлении от 21 марта сообщал, “что невозможно составлять наказания... из-за большого стечения народа, который вызвал беспорядки”⁷. В Пенье (Прованс), как только закрылось избирательное собрание, бунтовщики требовали открыть другое, “где они могли бы голосовать, хотя большинство из них были рабочими мануфактуры по производству мыла без всякой собственности”⁸. Более 2 тыс. рабочих реймских мануфактур 6–9 марта организовали “поход” на городскую ратушу с требованием представительства⁹. Мэр города писал: “...этот образ действий тем более заслуживает внимания, что он может стать средством поднять народ в связи с хлебными ценами...”¹⁰. Дальнейший ход событий подтвердил мнение опытного администратора: через два дня в городе вспыхнул большой “хлебный бунт”.

Крайне беспокойно проходила избирательная кампания в Бретани. В Ренне бальяжное собрание третьего сословия началось с исключения всех аноблированных буржуа, фискальных прокуроров и агентов сеньоров; королевский прокурор, пытавшийся протестовать, был удален с собрания и при этом едва не убит¹¹. В Монконтуре в связи с общим собранием жителей произошло несколько бунтов, для подавления которых властям пришлось вызывать войска. 11 марта в Шатобриане волнения были вызваны “чтением различных мемуаров на чрезвычайном собрании”¹².

Современники единодушны в том, что процедура составления наказов и выборов в Генеральные штаты оказала существенное влияние на умонастроения горожан и крестьян. Субделегат г.Манд в письме интенданту Лангедока, сообщая о “состоянии угрожающего кризиса” (апрель 1789 г.), отметил: “...в этот момент, когда умы возбуждены только что прошедшими собраниями, все кажется дозволенным”¹³. В июле подобную мысль высказал балыи городка Бейлель (Фландрия): “С начала собраний они (крестьяне) больше ничего не боятся”¹⁴. Генерал-лейтенант Десме-Дюбюиссон, докладывая 30 марта хранителю печати о выборах в бальяже Сомюр (Анжу), писал: “Особенно неприятно, что эти собрания для большинства облечены авторитетом суверена и крестьяне уходят оттуда убежденные в том, что они освобождены от десятины, от запрета на охоту, от уплаты сеньориальных прав”¹⁵. Ж.Лефевр очень хорошо показал, что в апреле — мае 1789 г. именно запись пожеланий в наказы служила моральным оправданием для крестьянских самоуправств и волнений, была источником бунтарских настроений, мятежных разговоров и открытых выступлений¹⁶.

Влияние политических событий накануне революции прослеживается и при анализе конкретных народных выступлений, в том числе продовольственных. Несомненна связь хлебных волнений в Бретани летом—осенью 1788 г. с общим политическим кризисом в одной из самых мятежных провинций королевства. Весной 1789 г. один из местных чиновников докладывал в центр: “Я не думаю, что цена хлеба является единственным мотивом, который побуждает народ к бунту. Помимо того, что нынешний сезон дает хорошие надежды на будущий урожай, следует иметь в виду, что хлеб не стоит очень дорого... Жители часто платили в три раза больше и даже более того, но при этом оставались спокойными. Есть основания полагать, что неповиновение, которое царит уже шесть месяцев в провинции, способствовало подъему народа, сознание которого подогрето бунтовщическими речами и нелепыми процессами”¹⁷. Граф Караман, губернатор Прованса, писал о мартовском восстании в провинции почти теми же словами: “Нехватка зерна на рынке... только предлог... (Хлеб) дорог на самом деле, но мы переживали дороговизны, гораздо более значительные, без всяких волнений... Однако в данных обстоятельствах, когда головы разгорячены, следует опасаться пожара”¹⁸. Оценивая обстановку в Гиени в январе 1789 г., современник писал: “У нас есть основания бояться ужасов всеобщего бунта. В самые суровые зимы народ никогда не прибегал к таким крайним мерам... Не есть ли это слепая интерпретация слов общественная свобода и равенство, которые раздаются со всех сторон?”¹⁹. Муниципальные чиновники г.Агд в своем донесении о восстании в городе наряду с материальными причинами бунта отметили важное обстоятельство: “Дух головокружения и мятежа охватил этот несчастный город и его окрестности. Народ, видя мнимое желание короля уравнивать ранги, безумно вообразил себе, что он есть все, и что он может все. В этом убеждении он во всем искушен и весьма дерзок”²⁰. 27 марта генеральный прокурор в письме министру определенно говорит о связи народных волнений с политическим ажиотажем вокруг конфликта сословий: “Состояние независимости и восстания, которое царит в третьем сословии со времен упразднения правосудия в прошлом году, проявляется в действиях простонародья, неистовая сила которых становится каждый день все более опасной”²¹. Составитель записки к проекту королевской декларации, запрещающей народные сборища и волнения, анализируя историю вопроса, заметил: “...нельзя не признать, что если, недостаток или дороговизна зерна могли быть предлогом для нескольких волнений, во многих местах было много и таких, которые были вызваны возбуждением третьего сословия”²². Президент Гренобльского парламента граф д'Орнасье писал о состоянии дел в провинции: “Если бы волнения умов, вызванные делами времени, ограничились обсуждением мнений, можно было бы надеяться на успокоение в будущем результатами Национального собрания.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОСТОЛЮДИНОВ

на ИСХОДЕ СТАРОГО ПОРЯДКА

Но брожение достигло такой степени, которая не позволяет больше не беспокоиться о будущем. Эта народная лига поднялась особенно против дворянства и сеньоров, и уже сейчас есть роковые последствия в Верхнем Дофине, и они распространяются на Нижнее... Ежедневно только и слышны разрушительные речи против дворянства, чтобы принести факелы в замки и там сжечь все титулы; лишь немногие крупные собственники не были обеспокоены за свое состояние, потому что в кантонах, где брожение породило наименьший взрыв, коммуны каждый день принимают решения не платить больше ни ренты, ни другие сеньориальные сборы; установить их выкуп по умеренной цене и уменьшить размеры случайных повинностей и это только модификация идеи, которая порождает дух равенства, свободы и независимости, являющейся Господствующей моралью дня. Те, кто проповедуют ее в деревнях, даже не скрываются. Из всех волнений, которые имели место в провинции, найдется немного, где эта мораль не была бы главной движущей силой²³.

В некоторых случаях известия о политических событиях в Париже служили непосредственным поводом для начала народного выступления. Сигналом для большого восстания в Лионе в конце июня — начале июля послужило известие об объединении трех сословий 27 июня. Один из руководителей бунта в Шату (Иль-де-Франс) 11 мая виноградарь Луи Пьер, как выяснилось в ходе следствия, хвалился, что дал повод к бунту тем, что “принес добрые вести из Парижа”. Нередко народные низы по-своему, в желанном для них духе интерпретировали политические события. Одной из главных причин восстания в Лионе в конце июня — начале июля консул города видел в давнем “раздражении” “черни” против откупных ведомств и ее убеждении, что “все ввозные пошлины должны быть упразднены Генеральными штатами”²⁴. Сыграли свою роль и слухи о том, что в Париже в честь объединения трех сословий король отменил все ввозные пошлины на три дня, и что это благодеяние распространяется на Лион. После заседания Национального собрания 23 июня в Дамьере и Теньере (Фландрия) распространился слух, что, “не подчинившись приказу короля разойтись, Ассамблея отменила десятину и сеньориальные повинности и что все коммуны теперь вправе вершить правосудие путем прямого действия”²⁵.

Политическое движение 1789 г., таким образом, проявлялось не только в образованных и имущих кругах буржуазии и дворянства, оно давало о себе знать повсюду. Везде нетерпеливо ждали новостей из Парижа. Вся страна жила в обстановке напряженного, раздраженного ожидания важных событий и коренных перемен.

Имеющиеся материалы показывают, что весной 1789 г. трудящиеся слои населения вполне осознавали факт политического разделения страны на два враждующих лагеря. Более того, понимали, что их место — в лагере третьего сословия. Эта позиция структурных низов в политической борьбе предреволюционного времени хорошо видна в развитии событий в Лионе в конце июня — начале июля. Одно за другим в город приходили известия о заседании Генеральных штатов 17 июня, где третье сословие провозгласило себя Национальным собранием, о клятве в Зале для игры в мяч, королевском заседании 23 июня. После объединения трех сословий 27 июня депутаты третьего сословия г.Лиона поспешили из Версаля в Париж, чтобы оттуда сообщить своим избирателям “о счастливой революции, которая совершилась в этот день и обеспечила успех Генеральным штатам и как следствие — благополучие Франции”²⁶. Весть об этом новом успехе третьего сословия пришла в город 29 июня. Она была встречена с бурной радостью. Толпы народа разошлись по всему городу и требовали, чтобы все окна были освещены; в неосвещенные окна летели камни. Желание горожан отпраздновать радостное событие было столь велико, что на следующий день консулат принял специальное постановление, в котором говорилось, что в течение трех дней ратуша и другие официальные здания будут освещены²⁷. Однако вскоре народные демонстрации приняли угрожающий характер. Народ с криками “Да здравствует третье сословие! Долой габель! Долой ввозную пошлину! Все свободны!” принялся громить налоговые конторы в разных частях города, уничтожая деловые бумаги, изгоняя сборщиков²⁸.

В город были вызваны войска. 3 июля на улицах развернулось настоящее сражение. “После непродолжительного побоища и страшной резни,—писал современник, — драгуны отступили..., умы понемногу успокоились, однако продолжают бояться новых волнений”²⁹.

Так же, как в Лионе, в ряде других городов (в Марселе, Реймсе, Эксе, Сен-Антуанском предместье Парижа, в самой столице) лозунгами бунтовщиков были слова “Да здравствует третье сословие!”. Освобождая от заграждения дорогу, узурпированную сеньором, крестьяне в Шату кричали: “Да здравствует третье сословие! Мы из третьего сословия! Да здравствует третье сословие, потому что оно сильнее дворянства!”³⁰. Красноречиво говорит об умонастроениях простого люда в последние предреволюционные месяцы кюре из Нормандии. “Народ страшно злоупотребляет королевским эдиктом, — писал он хранителю печати 28 апреля, — даже в деревнях (имеется в виду, очевидно, постановление о созыве Генеральных штатов от 24 января — авт.). Только и слышаться угрозы против дворянства и духовенства: лозунг — третье сословие. Головы страшно разгорячены. Вот уже сорок лет изучаю я человеческое сердце, ничего подобного я не видел”³¹.

Тесная связь народных волнений с политическими событиями и явная демонстрация политических симпатий в ходе открытого протеста ставит под сомнение представление, в соответствии с которым сельские и городские низы, замкнутые в своем микромире, не интересовались большой политикой. Другое дело, что их восприятие этой политики существенно отличалось от восприятия просвещенного интеллектуала. Однако вопрос о том, каким образом можно показать особенности этого восприятия, остается открытым. Р.Юар предложил пять ключевых слов-концептов, которые, по его мнению, помогают понять главные особенности “народной политики”: 1) повседневность, 2) близость, 3) непосредственность, 4) морализм, 5) традиция. Намеченные с помощью этих понятий характеристики “народного политического поведения” — заинтересованность в удовлетворении повседневных нужд, действие в пределах ограниченной территории, претензии к конкретному противнику, практика прямой демократии, стремление к немедленным результатам, опора на определенную систему нравственных ценностей, верность традиции — применительно к нашему периоду можно обосновать конкретным материалом. Однако эти характеристики имеют все же довольно общий характер. Кроме того, при выявлении этих характеристик Юар исходил из первостепенной важности условий существования структурных низов. “Уровень сознания”, по его мнению, имеет второстепенное значение. Конечно, условия существования очень важны, но они не всегда позволяют понять бунтующего человека: в одних и тех же условиях люди ведут себя по-разному. Попробуем поэтому сосредоточиться на “сознании” протестующей толпы. По-видимому, отчасти прояснить представление о нем поможет выявление некоторых политических образов и мифов, которые толпа моделировала в ходе прямого действия.

Особое место в системе народных политических образов принадлежало королю. Попытки прояснить эти представления на основе различных источников предпринимались историками неоднократно. Осознанная исследователями сложность задачи объясняет дискуссионный характер существующих сегодня интерпретаций этого сюжета³². Не претендуя на сколько-нибудь полную реконструкцию образа короля в народном сознании при Старом порядке, попытаемся восстановить некоторые его черты в той мере, в какой это позволяет сделать язык и жест народного бунта.

Прокламмирование лояльности и покорности по отношению к королю встречается в ходе открытого протеста очень часто. Это был своего рода ритуал, присутствующий в большей части более или менее значительных народных движений. Сцены, где бунтовщики так или иначе выражали свое почтение и любовь к королю, часто встречаются в свидетельствах современников. К нему апеллировали прежде всего как к высшей власти в поисках справедливого решения возникающих проблем.

Формы таких апелляций к персоне верховного суверена были различны: письменные прошения и депутации, жалобы, крики во время манифестаций, ссылки на приказы короля или его письменные распоряжения и т.п. Существенно, что образ короля возникал, как правило, в связи с необходимостью обосновать протест против какого-либо конкретного представителя системы: сеньора, сборщика налогов, интенданта, полицейского, судебного исполнителя, мэра, других муниципальных чиновников.

Летом 1670 г. во время восстания Рура в Севернах состоялось собрание 300 депутатов от коммун Нижнего Виваре, на котором было решено направить двоих представителей к королю. Им удалось добраться до Парижа и попасть к родственникам Рура, но там все они были арестованы полицией. Позже Рур и другие руководители бунта писали послания к королю³³. В апреле 1745 г. в руки генерального контролера попал мемуар (в форме прошения на имя короля), "который стремился убедить протестантов, что Его Величество расположен не только разрешить им собираться, но и согласен на публичное отправление их Религии". Поскольку такое утверждение не имело ничего общего с намерениями короля, министр настаивал на необходимости обновить запретительные постановления против религиозного меньшинства³⁴. После хлебного бунта в г. Сане (сентябрь 1766 г.) полицейские власти ходили по домам в предместьях города и искали мешки с хлебом, маркированные инициалами пострадавшего во время мятежа торговца. Один из виноградарей, некто Лапорт, долго не хотел открывать стражам порядка и заявил, "что только король имеет право приказывать ему открыть свои кофры". Объяснения полицейских, что они являются представителями правосудия, находятся при исполнении служебных обязанностей и имеют честь представлять священную персону короля, не подействовали на Лапорта. Он продолжал упорствовать и спрятал ключи от своих сундуков. Пришлось вызывать слесаря, который вскрыл ящики, где обнаружили мешок с хлебом, маркированный инициалами торговца³⁵. В области Лабур (1784 г.) при упоминании имени короля одним из местных чиновников бунтовщики-мужчины сняли головные уборы, женщины приветствовали Его Величество. Они заявили, что "подчиняются его священным приказам, что их добро, они сами, все принадлежит ему, но, что в данном случае именем Его Величества злоупотребляют"³⁶. Крестьяне, восставшие в июне 1785 г. в приходе Куерон (Бретань), не считали себя "бунтовщиками по отношению к королю". Они сказали, "что собрались только для того, чтобы оказать сопротивление сеньорам, которые пытались довести их до нищеты". Кроме того, они с горечью жаловались на "бесчинства жандармерии по отношению к ним"³⁷. Как показал Д.Рюде, во время "мучной войны" 1775 г. в разных местах мятежники для обоснования таксации в 2 су ссылались на приказы короля³⁸. Интендант Прованса в письме Неккеру от 30 марта 1789 г. писал: "Везде народ нападает без различия на церковного служителя, нотабля и буржуа. Крестьяне без конца объявляют, что разрушение и грабеж, который они творят, соответствует воле короля"³⁹. О том же писал крестьянин (menager) Пьер Шабод: "...народ вершил правосудие против сеньоров, епископов, администраторов коммун, и никто не был наказан, ввиду того, что это разрешил король"⁴⁰. В ходе лионского мятежа в конце июня 1789 г. бунтовщики утверждали, что король на три дня освободил город от ввозной пошлины, "а консулат в сговоре с откупщиком октруа спрятал от народа приказы, которые были получены"⁴¹. Обычным явлением в ходе народных манифестаций были крики бунтовщиков "Да здравствует король! Да здравствует король без габели! Да здравствует король, долой сборщиков налогов!". Эти частые апелляции к персоне короля, вероятно, можно рассматривать как проявление веры в существование высшей справедливой власти, которая может повлиять на ход событий. По-видимому, в народном сознании король долго отделялся от политики его администрации. В нем видели доброго "отца" и заступника, с которым никак не связывались властные распоряжения разных уровней, воспринимаемые как покушение на традиционный жизненный уклад.

В то же время очевидно, что интерпретировать эти апелляции лишь как проявление “наивного монархизма”, “царистских иллюзий” простонародья недостаточно. Даже если такие “иллюзии” присутствовали, они явно имели пределы. Прежде всего потому, что бунтовщики, сопровождая свои манифестации криками “Да здравствует король!”, в то же время упорно нарушали его предписания. Большая часть народных выступлений была направлена против местных властей. Тем не менее в действующем законодательстве бунты относились к разряду преступлений “оскорбление Величества”. Именно так воспринимали их, как правило, власть предержащие, а иногда и сам король. В связи с крестьянскими бунтами в окрестностях Гапа (Дофине) один из чиновников 11 мая 1789 г. писал о необходимости срочных мер для того, “чтобы заставить уважать власть короля, обеспечить право собственности и восстановить субординацию, необходимую при любом образе правления и во всяком обществе”⁴². Восстание в Париже в мае 1750 г., державшее столицу в тревоге в течение трех дней, произвело столь сильное впечатление на Людовика XV, что он не захотел больше проезжать через Париж, когда направлялся в Компьенский замок или куда-либо еще. За стенами города была построена новая дорога, которая тянулась от Булонского леса к Сен-Дени. Она получила название “Дороги Восстания”⁴³.

Известно также, что в периоды обострения борьбы королевской администрации с оппозиционными парламентами⁴⁴ городские низы на протяжении всего интересующего нас периода демонстрировали свое доверие и поддержку парламентариям, которые выступали в роли “отцов народа” и своеобразных соперников короля в иерархии народных пристрастий. Последним всплеском такого доверия были массовые народные восстания в Ренне, Дижоне, Тулузе, Гренобле, По и ряде других городов летом 1788 г. в связи с парламентской реформой Ламуаньона⁴⁵. Независимо от причин народной солидарности с опальными парламентариями сам факт длительного ее существования был одним из элементов эрозии монархического образа короля-отца, демонстрацией двойственности и явной ограниченности верноподданнических эмоций простонародья.

О растущем в массовом сознании неуважении к абсолютистской власти красноречиво свидетельствуют также “бунтовщические слухи” и “дурные речи”, активно распространявшиеся в последний период Старого порядка в столице и других крупных городах⁴⁶. Не было недостатка в дореволюционном XVIII в. и в сатирических куплетах, песенках, стихах, направленных в той или иной мере против персоны короля и его ближайшего окружения. Многократно король подвергался нападкам в многочисленных бунтовщических плакатах, содержание которых сохранили записки современников. Сен-Симон, рассказывая о волнениях в Париже в 1709 г., писал о настоящем “наводнении самых дерзких и бестактных плакатов против его персоны, его поведения и его правления, которые в течение длительного времени находили на воротах Парижа, на дверях церквей, в общественных местах, особенно на статуях короля, которые по ночам подвергались поруганию самыми разными способами, следы которого обнаруживались по утрам”⁴⁷. По свидетельству Арди, в сентябре 1768 г. полиция столицы не успевала уничтожать в разных кварталах города бесчисленные плакаты, “оскорбительные по отношению к королю, министру Шуазелю и генеральному прокурору Лаверди”⁴⁸. Утром 31 октября полицейский комиссар Роланд с улицы Нойе обнаружил на одной из дверей длинный плакат, в котором говорилось, “что при Генрихе IV переживали хлебную дороговизну, вызванную войнами, но в то время у нас был король, что при Людовике XIV тоже много раз испытывали вздорожание хлеба, вызванное либо войнами, либо реальным недородом, но и тогда тоже был король, что в настоящее время нельзя объяснить дороговизну хлеба ни войнами, ни неурожаем, но что больше нет короля, потому что король – хлебный торговец”⁴⁹.

Складывается впечатление, что бунтовщики, обращаясь к персоне монарха, не столько выражали свои симпатии к нему или веру в то, что он может изменить их судьбу, сколько стремились легитимизировать свои незаконные, противоречащие королевским предписаниям действия. Не следует ли в этой связи рассматривать “наивный монархизм” простонародья, прежде всего, как проявление его стремления к идентификации, как прокламирование своей принадлежности к общности (стране), персонифицированной в образе верховного суверена?

1. См. об этом: *Ronzeaud P.* *Peuple et representatoinis sous le regne de Louis XIV.* Aix-en-Provence, 1988. P.62 et suiv.
2. См. подробнее *Huard R.* *Op. cit.* // *MP.* P.58—60.
3. *Дилигенский Г.Г.* В поисках смысла и цели. М., 1986. С.65—67; *Кожокин Е.М.* Государство и народ. От Фронды до Великой французской революции. М., 1989.
4. *Чеканцева З.А.* Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск. 1996.
5. См. подробнее там же.
6. *Inv. som. Aine. Bourg, 1884.* C. 82. P.37. *Rameau E.* *La Revolution dans l'ancien diocese de Macon.* Macon, 1990. P.8.
7. *Inv. som. corn. Ville d'Hondschoute. Lille, 1876.* AA 31. P. 7.
8. AN H' 1274, piece 116. Relation des troubles arrivees en Provence en mars 1789.
9. *Laurent G.* Reims et la region renoise a la veille de la Revolution. Reims, 1930. P.CXXI et suiv.
10. *Idem.* P.CXXV.
11. *Kervillier R.* La Bretagne pendant la Revolution. Renne, 1912. P.7.
12. *Idem.* P.4.
13. *Inv. som. Herault. Montpellier, 1897.* T.3. Pt.2. C.2995.
14. *Lefebvre G.* Les paysans du Nord pendant la Revolution francaise. Paris, 1924. P.352.
15. Цит. по: *Desme de Chavigny.* Histoire de Saumur pendant la Revolution. Vannes, 1892. P.40—42.
16. *Lefebvre G.* *Op.cit.* P.351—353; *его же.* La grande peur de 1789. Paris, 1932. P.44-46.
17. AN BB (30) 87. Renne, 1789. Emeutes, Lettres du Renne, le 4 mai 1789.
18. AN H' 1274, piece 83. Lettre de M. le Compt de Caraman du 18 mars 1789.
19. Цит. по: *Lheritier M.* Les debuts de la Revolution a Bordeaux d'apres les tablettes manuscrites de P. Bernadau. Paris, 1919. P.45.
20. AN H' 1452, d.2 piece 199.
21. Цит. по: *Egret G.* Le Parlemant... P.347.
22. AN BB (30) 87. Observation sur le projet de la Declaration du mai 1789.
23. AN BB (30) 87. Lettre de M. d'Onacieux, le 20 mai 1789. Grenoble.
24. *Chassin Ch.* *Op.cit.* P.129.
25. AN H' 1453, d.2, piece 151.
26. *Lefebvre G.* Les paysans du Nord... P.352—353.
27. *Wahl M.* Les premieres annees de la revolution a Lyon. 1788—1789. Paris, 1894. P.93.
28. *Proces-verbaux des seances des corps municipaux de notables (1787—1790).* Lyon, 1899. P.157—158.
29. AN H' 1453, d. 2, pieces 157 bis, 158.
30. *Recit sanglant de ce qui s'est passe a Lyon le 3 Juillet au sujet des rejouissances occasionnees par la reunion des trois ordres. Le 8 juillet 1789 // Luchet J. P.* Memoires pour servir a l'Histoire de l'annee 1789 Pans, 1790 P.17—20.
31. *Chassin Ch.* *Op.cit.* P.140.
32. *Hippeau G.* Les electons de 1789 en Normandie. Paris, 1869. P.90- 91.
33. См. сводку современных данных: *Vovelle M.* La representation populaire de la monarchie // *The French revolution, Oxforde, 1987.* T.1. Ch.5.
34. См. *Sabatier G.* *Op.cit* // *MP.* P.130—131.
35. AN TT 445 A IV, p 113 A Versatile, 6 avril 1745

36. BN mss, Joly de Fleury 1134 F 131.
37. AN H' 1172, piece 94
38. AN H' 616
39. *Rude G.* Op cit // AHRF 1956 T.28 P 147–160.
40. *M.Cubelle.* Op.cit. P.106.
41. Idem.
42. AN BB (30) 87. M. Terray, intendant de Lyon.
43. AN BB (30) 87.
44. *Peuchet J.* Memoires tirees des archives de la police de Paris. Paris, 1838. T.II. P.132–133.
45. См. об этом *Берго И.Б.* Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ в 1749–1776 годах // Французская революция XVIII века. М., 1988
46. *Шерэ Э.* Падение старого режима. СПб., 1907. Т.2. *Marras A. et Dupont.* Fastes de la Revolution francaise // Revue chronique de l'histoire de France depuis 1787 jusqu'en 1835. Paris, 1836; *Sagnac Ph.* Les origines de la Revolution. La decomposition de l'ancien regime (1788—mai 1789) // RHMC. 1910. T.14. N 2 ; *Soboul A.* L'an un de la liberte. Paris, 1973. P.29.
47. См. об этом *Lecharny H.* Op cit // RHMC 1989, octobre – novembre, P.573; *Baker K.M.* Sous l'Ancien Regime en France // Annales E.S.C // 42 annee. N 1.
48. Цит. по: *Boilisle A.* Le grand hiver et la disette de 1709 // Revue des questions historique. N 29. P.503.
49. *Hardy S.P.* Mes loisirs. Paris, 1912. T.1. P.109.

Материалы, близкие по тематике:

[З.Чеканцева. Устойчивые слухи в обществе как проявление «коллективного воображаемого»](#)

[Ж.Лефевр. «Великий страх» 1789 года](#)

[Л.Февр. Гигантский лживый слух. Рецензия на книгу Ж.Лефевра «Великий страх 1789 года»](#)

[Дж.Рюде. Народные низы в истории: 1730-1848. Главы из книги:](#)

[Французская революция](#)

[Народные низы в истории. Лики толпы. Характер и поведение. Победы и поражения](#)

[Народные низы в истории. Идеология и классовое сознание. Идеология народного протеста](#)

[И.Берго. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой французской революции](#)

[И.Берго. Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ 1749-1776 годов](#)
http://enlightment2005.narod.ru/papers/bergo_parlm2.pdf

[Т.Богданович. Аристократия и народ накануне Французской революции 1789 г.](#)

[Алексис де Токвиль. Старый порядок и революция](#)

[И.Тэн. Происхождение современной Франции \(Строение общества, 14 июля 1789 года\)](#)

[СВОДНЫЕ ССЫЛКИ по ПЕРСОНАЛИЯМ](#)